

Научная статья

УДК

© 2021. А. А. Скоропадская

Петрозаводский государственный университет,

г. Петрозаводск, Россия

Медицинская латынь Ф. М. Достоевского

Аннотация: В произведениях и рабочих записях Ф. М. Достоевского встречаются медицинские термины и выражения, написанные по-латински. В статье приводится текстологическое описание этих иноязычных вставок и анализируются их стилистических и идейно-содержательных функций. Латинские названия болезней, используемые Достоевским, обозначают горячечные, лихорадочные состояния и выступают более как стилистические средства. Терминологические вставки используются также применительно к образу врача-ординатора из повести «Записки из мертвого дома». С одной стороны, вставки маркируют профессиональную принадлежность героя, а с другой — графически обозначают границы больничного «отдыха» арестанта. Примечательно использование латинского афоризма, восходящего к изречению Гиппократов, в романе «Подросток». Известно, что Достоевский опирался на опубликованные протоколы процесса над тайным обществом Н. А. Долгушина. В одном из протоколов приводилось изречение Гиппократов, которое было написано на стене комнаты Долгушина, но приводилось в переводе на русский язык. В рабочих записях Достоевский всегда пишет афоризм по-латински. Это дает основания предполагать, что через обращение к латинскому первоисточнику писатель на содержательном и стилистическом уровнях показывает трансформацию гуманистических ценностей в современном обществе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, латинский язык, античная традиция, афоризм, термин, иноязычная вставка.

Информация об авторе: Анна Александровна Скоропадская, кандидат филологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: san19770@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию:

Дата одобрения статьи рецензентами:

Дата публикации статьи:

Для цитирования: Скоропадская А. А. Медицинская латынь Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 202 . Т. , № . С. XX–XX. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-XX-XX>

This is an open access article
distributed under the Creative Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki, vol. , no. , 202 , pp. XX–XX. ISSN 2686-7494

Two centuries of the Russian classics, vol. , no. , 202 , pp. XX–XX. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Anna A. Skoropadskaya
Petrozavodsk State University
Moscow, Russia

of F. Dostoevsky
(Issue of Science and Religion)

Abstract: .

Keywords: F. Dostoevsky.

Information about the author: Anna A. Skoropadskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Lenin st., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received:

Approved after reviewing:

Published:

For citation: Skoropadskaya, A. A. “ of F. Dostoevsky” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. , no. , 202 , pp. XX–XX. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-XX-XX>

Латинская словесность как источник образцов емкой афоричности философской мысли, изящной поэзии и точной терминологической формулировки всегда была значима для русской культуры. В ряду иноязычных вкраплений, в обилии обнаруживаемых в литературе XIX в., латинские вставки выделяются своей ярко выраженной прецедентностью, отсылающей к фактам европейской традиции, возвращенным античностью и ставшим всемирным достоянием. Однако роль латинского языкового наследия в поэтике русской классической литературы все еще не исследована в должной мере. Так или иначе темы латинских вкраплений касаются работы, посвященные полилингвизму художественной литературы [Вишнякова], [Соколова], [Халиков]; непосредственно латинские вкрапления рассматриваются в контексте творчества отдельных авторов [Доровских], [Ильченко], [Саймон], литературных периодов [Кулева, Шестакова], [Краснова] или жанров [Дягилева]. Стоит отметить, что исследователи, обращающиеся к теме иноязычных вкраплений, как правило, работают с материалами художественных, публицистических и эпистолярных текстов, опубликованных отдельными изданиями или вошедших в академические собрания сочинений, то есть, с текстами, прошедшими редакторскую и корректорскую правку. Между тем работа с рукописным фондом актуализирует текстологический аспект

исследования, то есть позволяет не только определить точное написание иноязычной вставки, но и ее графическое исполнение, расположение на странице, текстовое окружение, вписана вставка в существующий текст или вычеркнута и т. д. Творческое наследие Достоевского в этом смысле дает богатый материал для исследования в виде внушительного фонда сохранившихся рукописей — записных тетрадей и книжек, содержащих как записи личного характера, так и рабочие планы и наброски к будущим произведениям. Латинские вставки занимают здесь особое место.

Текстовый корпус рабочих записей и опубликованных произведений содержит 68 латинских вставок, выполняющих разные функции: речевая характеристика героя, терминологическое обозначение того или иного явления, маркирование важных мыслей и т. д. Латинские слова, словосочетания и предложения можно разделить на: 1) текстовые пометы, 2) термины и терминологические сочетания, 3) крылатые выражения. Самые частотные — текстовые пометы. Например, анаграмма *NB* и ее варианты (*n.bene*, *Nota-bene*, *NOTA-BENE*, *NB bene*, *NBene*, *NBota-bene* и др.) встречаются в записях Достоевского более 1 900 раз. Отметка *temento* — 18 раз. Пометы отличаются ярко выраженной прагматикой, обозначая важные для Достоевского дела или мысли, к обдумыванию которых необходимо вернуться. Латинские афоризмы и крылатые выражения в силу своей емкой образности, отсылающим к константам европейской культуры, в художественных текстах являются инструментом для обогащения речевой стилистики персонажа. Так, к латыни прибегают Свидригайлов, Степан Трофимович Верховенский, Ставрогин, Федор Павлович Карамазов — герои, чьи ценности во многом сформированы западной культурой; не избегает латинского языка черт Ивана Карамазова, издевательски использующий католические словесные формулы. По замечанию А. Ю. Ниловой, латынь в поэтике Достоевского выполняет снижающую функцию: «это или маска, за которую герои прячутся в неприятной ситуации, или способ негативной или иронической (что часто одно и то же) характеристики персонажа или ситуации» [Нилова: 39].

В публицистике и рабочих записях латинская афористика — образцовый

способ краткого оформления мысли, дающий почву для дальнейшего ее развития. Термины и терминологические сочетания (в том числе и на латинском языке) — не редкость в текстах Достоевского (см. об этом в [Ружицкий: 32-33]). Возникает необходимость уточнения их роли в поэтике публицистического и художественного текста, так как «термин, вырванный из терминологической системы, перестает выполнять свою терминологическую функцию и, обрастая дополнительными коннотативными значениями, может стать средством передачи эмоциональных и даже эстетических смысловых оттенков» [Пиотровский: 134].

Традиционно латинская терминология наиболее часто используется в медицине и юриспруденции. Корпус текстов Достоевского содержит ряд примеров медицинской латыни.

Жизненный опыт (принадлежность отца, Михаила Андреевича Достоевского, и двоюродного деда по материнской линии, Василия Михайловича Котельницкого, к медицинской профессии, круг знакомств, собственная болезнь и болезни близких) дал Достоевскому богатый материал для отличающихся особой точностью художественных описаний патологических состояний. Так, эпилепсия, от которой писатель страдал всю жизнь, послужила материалом для создания образов героев-эпилептиков, среди которых наиболее значимы князь Мышкин и Смердяков. Как отмечает А. Н. Кошечко, для Достоевского «болезнь была неотъемлемой частью повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и его индивидуальный поведенческий текст, и особенности художественного мышления» [Кошечко: 286]. Особенно тонко и точно писатель передавал болезненные психические состояния, что было отмечено многими специалистами в области медицины. Например, В. М. Бехтерев в докладе 1913 года отмечал: «Гениальным чутьем и проникновенной художественной интуицией Достоевский наметил ясно и метко важнейшие черты болезненных явлений душевной жизни. Почти все разновидности психического страдания, классифицированные современной наукой, находят для себя яркие, выпуклые иллюстрации в его произведениях. Клиническая правда в большинстве случаев

совпадает с данными художественного творчества Достоевского» (цит. по [Кузнецов, Лебедев: 7]).

Одна из самых упоминаемых в произведениях Достоевского болезней — чахотка (или туберкулез), что обусловлено реалиями XIX века. Чахоткой страдают, например, Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании» и Ипполит в «Идиоте». Описывая страдания, вызванные неизлечимой болезнью, Достоевский отмечает их физиологические (кашель, одышка, слабость и т.д.) и психологические проявления (раздражительность, капризность, плаксивость и т.д.). Описания болезненных состояний могут содержать медицинские определения. По наблюдениям В. М. Мирзоевой и Н. Н. Толкачевой, к частотным словам, входящим в концептосферу «болезнь», в текстах Достоевского относится слово «лихорадка», которое, с одной стороны, выступает в медицинском значении «болезненное состояние», а с другой, — указывает на психологическое состояние «взволнованных или теряющих над собой контроль героев» [Мирзоева, Толкачева: 137]. В некоторых случаях писатель актуализирует медицинский, терминологический аспект в описании болезни, прибегая к латинскому языку.

В «Записках из мертвого дома» диагноз, выносимый тюремным врачом, переутомленным заключенным — *febris catarrhalis* — становится шутливой формой официальной причины помещения больного в лазарет: «Иногда он и сам замечал, что больной ничем не болен; но так как арестант пришел отдохнуть от работы или полежать на тюфяке, ... то наш ординатор спокойно записывал им какую-нибудь **febris catarrhalis** и оставлял лежать иногда даже на неделю. Над этой **febris catarrhalis** все смеялись у нас. Знали очень хорошо, что это принятая у нас, по какому-то обоюдному согласию между доктором и больным, формула для обозначения притворной болезни; "запасные колотья", как переводили сами арестанты **febris catarrhalis**» [Достоевский 4: 143]. Этот же диагноз и в том же написании встречается в рабочих материалах к «Подростку», обозначая легкую неопасную болезнь: «Но не посылает Богь ни горячки, ни даже какой нибудь ничтожной **febris catarrhalis**, здоров[ый]/ь/ какь быкъ!» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 13. С. 38; то же: [Достоевский 16: 109]).

Горячное состояние героини «Бесов» в рабочих записях Достоевский определяет как *delirium tremens*: «Лиза на станціи впадаетъ въ **delirium tremens**. Князь

повѣсился» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 30; то же: [Достоевский 11: 202]).

В обоих случаях медицинские термины выступают больше как стилистическое средство, так как не вполне корректно используются в своем медицинском значении, но при этом соответствуют светскому пониманию болезней, с которыми они связаны — прежде всего их симптоматике. Однако *delirium tremens* не выходит за пределы черновых материалов к роману, вероятно, из-за однозначной ассоциации с алкогольной этиологией болезни. Тем не менее в публицистике Достоевский не боится неоднозначного понимания этого термина. В приписываемой Достоевскому заметке «Из текущей жизни» газеты «Гражданин» (1874, № 2) встречается следующий пассаж: «Субъекту, видимо, угрожает, в “близком будущем”, *delirium tremens*: у него уже начинается какой-то дикий литературный бред» [Достоевский 27: 167]. Использование латинского термина обусловлено ироничным тоном собеседника, речь которого приводится в заметке.

С образом тюремного ординатора в «Записках из мертвого дома» связан еще один случай медицинской латыни: «Иногда больной злоупотреблял мягкосердием лекаря и продолжал лежать до тех пор, пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: он как будто робел, как будто стыдился прямо сказать больному, чтоб он выздоравливал и скорее бы просился на выписку, хотя и имел полное право просто-запросто безо всяких разговоров и умасливания выписать его, написав ему в скорбном листе *sanat est*» [Достоевский 4: 143]; и далее: «Но от том, что у него в листе было написано *sanat*, мы узнали уже, когда доктора вышли из палаты» [Достоевский 4: 160]. Написание латинской формулировки диагноза в академическом тридцатитомнике содержит грамматическую неточность: форма *sanat* дважды приводится без точки, обозначающей сокращенную грамматическую форму причастия (полный вариант — *sanatus est*). Если в первом случае (написав ему в скорбном листе *sanat est*) возникает грамматическая бессмыслица, то во втором (у него в листе было написано *sanat*) — логическая, так как в данном случае латинское слово является самостоятельной формой глагола с активным значением, дословный перевод которой — «лечит, излечивает». Получается, что у больного в истории болезни указано не то, что он здоров, а то, что он занимается

лечением, т.е. больной равен доктору. В прижизненных публикациях повести (например, в журнале «Время» [Время: 567, 591] и полном собрании сочинений 1865 г. [ПСС 1865: 155] подобных ошибок нет.

Формально *sanat<us> est* подходит под категорию *termini technici* — терминологических наименований, сохраняющих графическое и грамматическое написание на латинском языке. Являясь средствами интернационализации медико-биологической терминологии, *termini technici* образуют международные номенклатуры морфологических и биологических дисциплин. Что же касается клинической медицины, то здесь, применение *termini technici* носит факультативный характер, но, по данным «Энциклопедического словаря медицинских терминов», большинство русских врачей XIX в. «отстаивало термины, устоявшиеся в профессиональном словоупотреблении, независимо от того, являются ли они интернационализмами греко-латинского происхождения или их русскими эквивалентами. Они осознавали также важность сохранения латинских *termini technici*» [Чернявский: 416]. Таким образом, латынь — неперенный атрибут речевого портрета человека с медицинским образованием. Возможно поэтому при создании образа врача Достоевский использует латинские вставки, которые маркируют профессиональную принадлежность героя. Но важно учитывать тот факт, что эта речевая характеристика ординатора дается опосредовано — через Горянчикова-повествователя и через самих арестантов, которые принимают в свой лексикон латинские медицинские термины, так как эти научные заимствования символизируют значимые для их больничного пребывания этапы — причину для помещения в госпиталь и вердикт о выписке из него. Возникает некоторая коннотативная игра: болезнь воспринимается как нечто положительное, так как дает возможность отдохнуть от тягот пребывания в остроге, а запись о выздоровлении — как нечто отрицательное, лишшающее возможности скудного комфорта. Латинские вставки графически маркируют границы госпитального отдыха арестанта.

Символически значимым становится появление еще одной латинской цитаты, в состав которой входит слово с корнем *sana-*.

Медицинская латынь функционирует в том числе в виде афоризмов, отражающих профессиональные и этические принципы искусства врачевания. Пример такого афоризма находим в романе «Подросток»:

«Только что мы вошли в крошечную прихожую, как послышались голоса; кажется, горячо спорили и кто-то кричал: "**Quae medicamenta non sanant — ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat!**" (*Чего не исцеляют лекарства — исцеляет железо, чего не исцеляет железо — исцеляет огонь — А. С.*)» [Достоевский 13: 43].

Сохранившиеся рукописные материалы с самого начала разработки сцены включалась Достоевским в содержание разговора:

— Разговор Нигилистовъ (въ восторгѣ) "**Quae medicamenta non sanant...**" и т. д. а потому пустить краснаго пѣтуха повсемѣстно, по [селамаъ] /городамъ/ и деревнямъ <В рукописи описка: деревнямъ>, съ того и начать. Вотъ какъ я понимаю. (Говорить это шпіонъ; ему возражаютъ) (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. С. 58; то же: [Достоевский 16: 80]).

Къ Витѣ — о Крафтѣ. Долгушинъ, Васинъ — сестра, **quae medicamenta**, разговоры споры, Ламбертъ. Кто-то спрашиваетъ: князь Долгорукій — обвелъ глазами. Не моя идея, Васинъ - машина, Крафтъ - Россія, къ Крафту (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. С. 270; то же: [Достоевский 16: 191]).

Латинский афоризм восходит к изречению Гиппократата, обозначающему основные способы лечения болезни. С течением времени апофтегма утратила медицинскую направленность, превратившись в словесную формулу радикальных мер общественного переустройства. В сложноподчиненных предложениях, из которых состоит афоризм, в качестве субъектов действия выступают существительные *ferrum* (железо) и *ignis* (огонь). Именно эти слова легли в основу другого, более позднего и более распространенного выражения — *Ferro ignique* (Железом /мечом и огнем), применяемого в военной тематике. У Достоевского оборот «огнем и мечом» не единожды используется в Дневнике писателя. Это дает повод предположить, что смысловая трансформация латинского афоризма учитывалась Достоевским при его включении в текст «Подростка»: интеллигенты-нигилисты, произнося латинскую фразу в ее начальном, медицинском значении, вкладывают в нее

привнесенный смысл: говоря об исцелении, они подразумевают уничтожение.

Как известно, прототипом революционно-народнического кружка Дергачева стало тайное общество Н. А. Долгушина, подробности процесса над которым были опубликованы в газете «Голос». В частности, в одном из протоколов были перечислены настенные надписи, обнаруженные на даче Долгушина, первым в списке шел афоризм Гиппократа. Отмечая наряду с другими деталями протокола произведенные Достоевским заимствования, К. Мочульский делает следующий вывод: «с такой добросовестной аккуратностью “реалист” Достоевский воспроизводит внешнюю сторону жизни революционного кружка. Внутренняя сторона в романе едва намечена» [Мочульский: 226]. Осмелимся не вполне согласиться с уважаемым исследователем. В цитируемом в газете протоколе изречения, написанные на стенах долгушинской дачи, приводились в переводе на русский язык. Достоевский же, намечая детали сцены в квартире Дергачева, апеллирует к латинскому первоисточнику афоризма. Дело не только в том, что прекрасно знавший латынь писатель, автоматически переключился на язык крылатого выражения, знакомого каждому гимназисту: латинская вставка на содержательном и стилистическом уровнях символизирует идейную трансформацию, происходящую с веками утверждаемыми ценностями. Латинская графика актуализирует отсылку к античной культуре, заложившей основы гуманизма, получившего воплощение в том числе в этических нормах врачевания. Материалистическое понимание медицины, свойственное реалистическому духу середины XIX в., отвергается Достоевским — писатель видит в врачах не только умение бороться с телесными недугами, но, прежде всего, — способность к сочувствию и состраданию. Такое понимание сформировано сочетанием античной (учение Гиппократа) и православной (Христос как врач в высшем смысле [Аникин]) этики.

Латинская терминология в произведениях Достоевского — не просто характерологическая деталь, индивидуализирующая речевой портрет героя или дополняющая картину социальной жизни. Медицинская латынь становится одним из культурных кодов, используемых писателем для расширения

этического и эстетического контекста, через современность отсылающего к универсальному, вечному.

Список литературы

Источники

Время. Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М. Достоевского. СПб.: Тип. Э Праца, 1862. Февраль. С. 565–597.

Герцен А. И. Кто виноват? // Герцен А. И. Полное собрание сочинений: В 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 4. 346 с.

Гончаров И. А. Воспоминания // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. Т. 7. С. 224-315.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.

Дружинин А. В. Заметки петербургского туриста // Собрание сочинений А. Д. Дружинина в 8-ми томах. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1865-1867. Т. 8. С. 111-462.

Милютин Д. А. Дневник: В 4 т. М.: Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, 1947-1950. Т. 3. 323 с.

Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1865. Т. I. 274 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т. 9. 450 с.

Исследования

Аникин А. А. Образ врача в русской классике // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б.г.] URL: www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293.html (дата обращения: 02.09.2021).

Баранова И. А. Литература и медицина: трансформация образа врача в

русской литературе XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. № 2 (8). С. 186-

Вишнякова Е. А. К вопросу об иноязычных вкраплениях в эпистолярной русской классике XIX века: В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков // Вестник ТГПУ. 2018. №6 (195). С. 92-99.

Гатина З. С., Вишленкова В. А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 1 (18). С. 168

Доровских Л. В. Латинские вкрапления в переписке А. П. Чехова // Филологический класс. 2010. №24. С. 60-66.

Дягилева И. Б. Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 536-541.

Ильченко О. С. Латинские вкрапления в русской литературе второй половины XIX века // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3(23). С. 140-144.

Кошечко А. Н. Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №3. С. 285-289.

Краснова Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века: дисс. ... канд. филол. н. Воронеж, 2009.

Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М.: Когито-центр, 2003. 232 с.

Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68-76.

Мирзоева В. М., Толкачева Н. Н. Концептосфера «болезнь» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. 2016. № 1. С. 135-140.

Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 273 с.

Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 36-39.

Пиотровский Р. Г., Рабухо Н. П., Хажинская М. С. Системное исследование лексики научного текста. Кишинев: Штиинца, 1981. 159 с.

Пономарева Г. Б. Достоевский — сын врача и врачеватель больного мира (к 185-летию со дня рождения) // *Врач.* 2007. № 1. С. 76-78.

Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление. Автореф. дисс.... докт. филол. н. Екатеринбург, 2015. 57 с.

Саймон Константин. Латинские цитаты в «Путевых записках» архиепископа Нила (Исаковича) // *Филаретовский альманах.* 2008. №4. С. 77-92.

Скоропадская А. А. *Strepitu belli propelluntur artes:* латинский афоризм Достоевского // *Неизвестный Достоевский.* 2020. Т. 7. № 4. С. 208-221.

Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М: Культурная революция, 2019. 294 с.

Халиков М. М. Полилингвизм художественного мира Ф.М. Достоевского // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* 2021. №76. С. 98-109.

Чернявский М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // *Энциклопедический словарь медицинских терминов:* в 3 т. М.: Сов. энциклопедия, 1984. Т. 3. С. 411-425.

Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 217 с.